

Необработанный рис оказался на редкость дрянным — сухим и колючим, он едва лез в горло. Фан Цзычэню казалось, будто его шея вытянулась на добрых три сантиметра, пока он пытался протолкнуть очередную ложку, но, считая расточительство постыдным, он всё же опустошил миску до последнего зернышка.

Хэ Далэн, облаченный в белые траурные одежды, подошел к нему и предложил добавки, но Цзычэнь поспешил отказаться.

Время близилось к половине третьего. Поминки затянутся еще часа на полтора, а когда гости разойдутся, нужно будет убрать столы, перемыть горы посуды и вернуть хозяевам взятую в долг утварь. Чжао-гэр должен был остаться и помочь семье Хэ.

— Ты возвращайся один, — сказал он Цзычэню. — Гуай-цзай сейчас у тётушки Лю.

Цзычэнь согласно кивнул. Вокруг царила суматоха, и он заметил, как несколько деревенских девчонок — то ли случайно, то ли нарочно — поглядывают в его сторону. Стоило им встретиться взглядом, как они тут же отворачивались к подружкам и принимались о чем-то шептаться.

«Наверняка обсуждают, какой я красавчик!»

Чжао-гэр, заметив это, подошел ближе и принялся поправлять Цзычэню воротник, невзначай заслоняя его от любопытных взглядов. Тот, разгадав маневр, весело хмыкнул, легонько ущипнул супруга за нос и рассмеялся:

— Ладно, я пошел.

Дядя и тётушка Лю были уже в годах, поэтому на похороны не ходили. Деревенские верили, что у стариков и детей «янская энергия» слабая, и в таких местах к ним легко может прицепиться какая-нибудь нечисть.

Гуай-цзай и Лю-лю играли во дворе, и стоило Цзычэню показаться у ворот, как малыш тут же его заметил.

— Отец! — радостно выкрикнул он.

Цзычэнь ласково потрепал сына по макушке, а увидев выжидающий взгляд Лю-лю, погладил и его.

— И чем это вы тут занимаетесь?

Гуай-цзай, сжимая в ручонке тонкую веточку, важно ответил:

— Мы учимся!

— Ого, какие старательные! — Цзычэнь не поскупился на похвалу. — Молодцы, настоящие умницы.

Гуай-цзай так и просиял от гордости.

Услышав голоса, тётушка Лю вышла из дома:

— А, это ты, паренёк Фан.

— Добрый день, тётушка.

— Заходи, присядь, — пригласила она его в дом.

Сладостей в доме не водилось, поэтому она выставила на стол миску с жареным арахисом:

— Угощайся, погрызи пока.

— Спасибо, тётушка Лю, — Цзычэнь взял пару орешков и скормил их двум «хвостикам», следовавшим за ним по пятам.

— Ну как там, много народу у Хэ Далэна? — поинтересовалась она.

— Полно, — отозвался Цзычэнь. — Столов десять накрыли точно.

Семья Хэ пустила корни в деревне Сяохэ много поколений назад. Их родовое кладбище занимало чуть ли не полгоры, а сколько дочерей было выдано замуж в окрестные села — и не сосчитать. Если сейчас выйти на дорогу и дать первому встречному затрещину, а потом спросить: «Ты кто такой Хэ Далэну?», тот наверняка ответит:

— Я зять дочери троюродного брата Хэ Далэна! А ты какого черта дерешься?!

В этих краях почти все так или иначе приходились друг другу родственниками или старыми знакомыми, так что ссориться с кем-то было себе дороже.

Пока они беседовали, вернулся дядя Лю. Припадая на хроющую ногу, он нес в руках увесистую тыкву. Увидев Фан Цзычэня, старик расплылся в улыбке и заявил, что тот пришел как нельзя

кстати: на ужин будет вареная тыква, и Цзычэнь обязан остаться.

У семьи Хэ намечался и поминальный ужин, так что Чжао-гэр останется там и домой есть не придет. Самому же Фан Цзычэню разводить огонь было лень. Точнее, он попросту не умел.

— С радостью! — не раздумывая согласился он.

Во дворе высилась куча дров, которую еще предстояло наколоть. У Чжао-гэра дел было невпроворот, а старики с тяжелой работой уже не справлялись. Недолго думая, Цзычэнь взялся за топор.

Под его ударами поленья толщиной в мужское бедро с треском разлетались пополам. Дядя Лю только диву давался, нахваливая его силу. Дети восторженно хлопали в ладоши, и тихий двор наполнился непривычным оживлением.

Тётушка Лю, глядя на это, решила приготовить побольше блюд. Кулинарные таланты её, впрочем, оставляли желать лучшего. Мяса в доме не было, так что она не пожалела масла для овощей, но каким-то таинственным образом всё равно умудрилась их пережарить — еда насквозь пропиталась густым едким дымом.

Тыкву, нарезанную крупными кусками, просто сварили. Она оказалась нежной, мучнистой и очень сладкой. Заметив, что Цзычэнь налегает именно на неё, хозяйка сказала:

— В этом году урожай богатый. Если нравится — ходи на поле и рви сколько влезет.

Тыквы у них росли прямо в кукурузе: сверху колышутся стебли, внизу стелются плети. Раньше, когда с зерном было туго, только тыквой да бататом и спасались от голода. Теперь времена стали получше, хлеба хватало, но крестьянская привычка беречь землю никуда не делась — не пропадать же месту в кукурузных рядах! В итоге тыкв насажали столько, что съесть всё было не по силам. Большая часть урожая так и гнила в поле на радость крысам.

— Угу, — кивнул Цзычэнь, поднося очередной кусок к губам.

— Свиноматки тоже эту тыкву обожают, — добавила тётушка Лю. — Жаль только, мы сейчас скотину не держим.

Фан Цзычэнь замер с открытым ртом.

Жизнь вернулась в привычное русло. Фан Цзычэнь и Чжао-гэр ежедневно курсировали по маршруту «дом — работа», а похороны в семье Хэ остались лишь мимолетным эпизодом.

Впрочем, после того дня многие в деревне стали здороваться с Цзычэнем охотнее. Односельчане решили, что парень он справный: и поговорить с ним можно обо всём на свете, и заносчивости в нем нет ни капли. Хоть он и не мастер был в деревенских делах, но в тот день не гнушался никакой грязной работы, помогая чем мог.

Днем Цзычэнь трудился в трактире, а в обеденное затишье поднимался на второй этаж — давать уроки Ян Минъи. Бизнес Чжао-гэра по продаже кровяной колбасы тоже постепенно набирал обороты.

Стояла самая жаркая пора — разгар страды. Кровяную колбасу приходилось готовить с раннего утра, пока не напекло солнце. Фан Цзычэнь, для которого ранний подъем был сродни пытке, постоянно зевал над мисками, а ведь днем ему еще нужно было идти на службу. Всего за несколько дней под глазами у него залегли темные тени. Чжао-гэр, видя страдания супруга, пытался запретить ему помогать, но Цзычэнь стоял на своем. В итоге они решили готовить чуть меньше: в день выручали около ста взней, что за вычетом расходов давало чистой прибылью больше девяноста — результат более чем достойный.

С приходом зимы, когда похолодает и продукты перестанут так быстро портиться, можно будет готовить впрок днем или вечером. Тогда и заработок вырастет.

В феврале следующего года Цзычэню предстояло сдавать уездный экзамен. В случае успеха уже в апреле нужно было ехать в Фучэн на окружной экзамен. Жизнь в префектуре — не чета деревенской, цены там кусались, и на поездку потребовалось бы немало средств. Сейчас же за душой у них не было и одного лян серебра, поэтому Чжао-гэр невольно ощущал растущую тревогу.

Программа уездного экзамена была обширной: восьмичленные сочинения-багувэнь, стихи на заданную тему, трактаты по канонам и политические эссе. Фан Цзычэню приходилось штудировать горы книг, не оставляя при этом работу и преподавание. Нагрузка была колоссальной. Чжао-гэр тоже не сидел сложа руки: вернувшись с рынка, он брался за топоры, носил воду, стирал — все домашние хлопоты он полностью взял на себя. Гуай-цзай, видя, как суетится папа, тоже не оставался в стороне. Таскать ведра ему было не под силу, так что он копал червей для кур, подметал двор и помогал с мелкой стиркой, внося свой посильный вклад в общее дело.